

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Читайте романы Натальи АЛЕКСАНДРОВОЙ в серии «Артефакт & Детектив»:

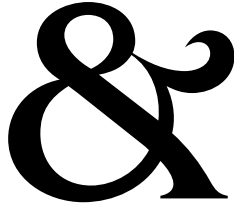
Хранитель Чаши Грааля
Клавесин Марии-Антуанетты
Сокровища Ирода
Завещание алхимика
Кинжал всевластия
Шкатулка Люцифера
Клад Наполеона
Тайна золота инков
Последний ученик да Винчи
Волшебный город
Талисман египетской царицы
Легенда о «Ночном дозоре»
Венец Чингисхана
Проклятие Осириса
Последняя загадка Ивана Грозного
Маска Нерона
Медальон инквизитора
Табакерка Робеспьера
Дублон капитана Флинта
Зеркало Лукреции Борджиа
Клинок князя Дракулы
Перстень Екатерины Великой
Ожерелье казненной королевы
Ларец графа Сен-Жермен

Монета Александра Македонского
Приворотный амулет Казановы
Наследство Марко Поло
Меч с берегов Валгаллы
Звезда Ассирийского царя
Золото Атлантиды
Осколок Тунгусского метеорита
Волшебный компас Колумба
Неизвестный шедевр Рембрандта
Амулет снежного человека
Ключ Гермеса Трисмегиста
Ожерелье богини Кали
Завещание короля Балдуина
Амулет Великого Слона
Колокольчики династии Минь
Золотая булавка Юлия Цезаря
Фермуар последней фрейлины
Волшебные стрелы Робин Гуда
Крест княгини Ольги
Тайна тринадцати апостолов
Перстень Ивана Грозного
Последняя драма Шекспира
Венец скифского царя
Кольцо вечной молодости
Священный крест тамплиеров

Сериал «Венецианский квартал. Крест святого Петра»

Таинственный сапфир апостола Петра
Магический камень апостола Петра
Огненный рубин апостола Петра
Священный изумруд апостола Петра

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

**Последняя
драма
Шекспира**

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Разработка серийного оформления
С. Курбатова

Оформление обложки *Н. Кудри*

Александрова, Наталья Николаевна.

А46 Последняя драма Шекспира / Наталья Александрова. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-04-099119-8

Молодому Уиллу Шекспиру сделала невероятный подарок старая ведьма, живущая в их небольшом городишке. Волшебная колода карт Таро не только раскрывала будущее, но и помогала осуществить самые несбыточные желания... Лиза всегда считала, что в их театре ничего случиться не может, он — самое безопасное на свете место. Но во время спектакля по пьесе Шекспира «Отелло» произошло несчастье. После финальной сцены актриса, игравшая роль Дездемоны, мертва по-настоящему, причем актриса эта — вовсе не Анна Коготкова, которая должна была исполнять эту роль, а какая-то никому не известная девица. Коготкова же бесследно исчезла...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Александрова Н. Н., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-099119-8

Театр назывался Средний драматический. Назван он в свое время был так, поскольку находился на Среднем проспекте Васильевского острова, однако злые языки поговаривали, что театр полностью соответствует своему названию — репертуар средненький, ни одной приличной постановки, выдвинутой не то что на «Золотую маску», но и на местную премию «Золотой софит». Режиссура соответствующая, и актеры так себе, собранные с бору по сосенке.

Однако в последний год пришел новый главный режиссер, который театр преобразил. Кое-кого из актеров переманил из других театров, кого-то нашел в провинции, кого-то взял прямо из Театрального института. Полностью сменили репертуар, а поскольку все хорошее быстро становится известным, то публика в театр повалила валом. Билеты были раскуплены на многие месяцы вперед, потому что театр хоть и назывался Средним, на самом деле был маленьким. В нем имелся лишь один зал, и тот небольшой, всего на сотню мест.

Ставили Чехова и Вампилова, Островского и братьев Пресняковых, и, наконец, выражаясь словами героя культового советского фильма,

Главный решил замахнуться на Вильяма нашего Шекспира. Начали, как ни странно, с «Отелло».

Спектакль уже несколько месяцев шел с аншлагом. И сегодня, судя по всему, актеры не обманут ожидания зрителей.

Буфет в театре был, хотя и небольшой, всего несколько столиков, которые были всегда заняты. Так что две семейные пары стояли в углу с бокалами коньяка и вели беседу.

Дамы были немолоды, но достаточно ухожены и хорошо одеты. Одна слегка полноватая, с приятной улыбкой, ее светлые волосы лежали пышной волной. Вторая дама была худой и слишком сильно накрашенной, да еще и загорелой сверх меры, так что сразу становилось ясно — загорала она в солярии.

Мужчины же создавали художественный контраст — у полноватой дамы муж был высок и худ, как жердь, а у худой имел внушительный начальственный живот, и абсолютно лысая голова его лежала на плечах, как арбуз на блюде, без намека на шею.

Как водится, в антракте обсуждали спектакль.

— Ну не знаю, — тянула худая брюнетка, — мне коллега на работе очень рекомендовала, сама она прямо в восторге, а я что-то ничего такого не вижу. И эти маски...

— Это режиссерский прием, — улыбнулась полноватая блондинка, — теперь каждый старается самовыразиться как может. Вот он так видит героев Шекспира.

Действительно, идея режиссера заключалась в том, что все без исключения действующие лица были в масках. Поскольку действие пьесы происходит в Венеции, маски были самые разные — какие в Венеции носят на карнавале. А потом, хоть герои и перебрались на Кипр, маски все равно не снимали.

Отелло был в маске свирепого негра с выпуклыми красными губами, Дездемона — в маске трогательной кукольной блондинки, Яго — в маске опереточного злодея...

— Он таким образом дает актерам свободу высказаться, — вмешался худой муж полной блондинки, — они играют телом и голосом, режиссер считает, что так они смогут выразить гораздо больше, ну, когда их лица скрыты от публики.

Жена улыбнулась ему ласково и одобрительно, чувствовалось, что эти двое по-настоящему любят театр и понимают друг друга с полуслова.

— Кстати, о теле, — оживился мужчина с животом, — эта Дездемона... какая-то она неловкая. По пьесе она молода, а в жизни-то не так чтобы, хоть и в маске, и худа не в меру, простым глазом видно... Эти-то, в Венеции, небось в теле были.

Он единственный из всех пил не коньяк, а минеральную воду без газа, потому что привез жену в театр на машине, и оттого был в плохом настроении.

— Кто — Анна Коготкова? — рассмеялась блондинка. — Верно заметили, возраст у нее не для Дездемоны, к сороковнику катит. Но это же театр, у него свои законы.

— Сорок два! — безапелляционно сказала ее подруга, которая всегда была в курсе самых свежих сплетен и слухов. — И еще я слышала, что ее любовник недавно бросил, так что сейчас она находится явно не в лучшей форме.

— Все-то вы, бабы, знаете, — вздохнул живот и потянул свою жену в зал, тут как раз и звонок прозвенел.

В последнем акте драм Шекспира всегда происходит все самое интересное, кульминация, накал страстей, а потом все умирают. Ну, по крайней мере, основные персонажи. Мужчина с животом не был завзятым театралом, согласился на поход в театр только под воздействием жены. Тут попробуй не согласишься, загрызет ведь насмерть, а потом перепилит на маленькие кусочки. Ох, бабы эти...

Дело на сцене явно шло к концу, вот уже мрачный Отелло задал свой коронный вопрос:

— Молилась ли ты на ночь, Дездемона?

Его безвинно оболганная жена ответила, что молилась.

— Однако, — прошептал лысый и пузатый жене на ухо, — а играет-то она теперь гораздо лучше. Опять же двигается, вон, как на постели изогнулась. Какая пластика! Нет, я беру свои слова назад, выглядит эта Дездемона молодо.

— Да ей за сорок!

— Ну не знаю, не знаю...

— Да тише ты! Совершенно не умеешь себя вести в культурном месте! Мне за тебя приходится краснеть!

Отелло на сцене бурно ссорился с Дездемоной.

— Опять она про Кассио спрашивает, расстраивается по его поводу. Нет, все-таки ума у некоторых баб ну нисколько! Видишь, что мужик нервничает, ревнует — так промолчи! Нет, ей надо все выложить! За то и получила. Вон, задушил уже!

Жена ткнула его кулаком в бок и с видом мученицы подняла глаза к потолку — дескать, за какие грехи ей такой непроходимый дундук в мужья достался?

Вопрос, разумеется, был риторический.

На сцену буквально вломилась Эмилия и стала уверять Отелло в невинности Дездемоны. Тот не поддавался, а что ему еще оставалось — жену-то задушил уже.

— Вот, — снова зашептал лысый, — эта уж точно молодая. Ишь, как по сцене бегаёт! У меня глаз верный.

— Да, — прошипела жена, — в молодых девицах ты точно разбираешься, этого у тебя не отнимешь.

Лысый тотчас замолчал и стал думать, сказала это жена просто так, памятуя о его прошлых прегрешениях, либо же ей известно что-то нынешнее. Ох, бабы эти...

Все, что происходило дальше на сцене, его интересовало мало. Дездемона, как и положено мертвой, неподвижно лежала на кровати, появились еще какие-то люди в пышных костюмах и опять-таки в масках. Яго разоблачили и увели на казнь, закованного в цепи. Кассио, раненный в ногу, внезапно перестал хромать и обрадовался, что его оставляют на Кипре вместо Отелло.

Отелло продекламировал свой последний монолог, закололся и упал рядом с Дездемоной. Кассио и Лодовико произнесли финальные реплики, и занавес опустился.

Зрители зааплодировали: кто — искренне восхищаясь спектаклем, кто — под влиянием общего воодушевления, то есть просто заодно с соседями, кто — чтобы не показаться профаном.

Лысый толстяк аплодировал с облегчением. Спектакль, слава богу, закончился, можно ехать домой и там расслабиться на диване с бокалом коньяка. И есть хочется, потому что буфет в этом театре оставляет желать лучшего. Откровенно говоря, дрянь буфет, бутерброды и то быстро кончились.

Занавес снова подняли, и актеры один за другим вышли на поклоны, сняв маски.

Исполнителя роли Яго встретили самыми громкими аплодисментами. Роли злодеев всегда самые выигрышные.

Наконец последним к рампе вышел Отелло. Он оглянулся, ожидая, что рядом с ним появится Дездемона и они вместе примут свою законную порцию зрительских восторгов, но Дездемона по-прежнему лежала на постели.

— Переигрывает! — прошипела помощник режиссера Гиацинтова, которая стояла за кулисами.

— Или вообще заснула! — подхватила костюмерша Надежда Константиновна. — Коньячку перебрала в последнем антракте, да и расслабилась на кровати.

Гиацинтова вздохнула. Все в театре знали, что после того, как Коготкову бросил любовник, она стала пить. И вот что с ней делать? Неужели и правда заснула? Если так, то придется ставить вопрос перед Главным, чтобы Коготкову заменили. Не ждать же, когда она на сцене упадет, сраму-то будет..

Жалко все-таки Аньку, когда-то была хорошая актриса. Да вот не выдержала, сломалась из-за подлого любовника. Какие же все-таки мужики сволочи!

— Лиза! Тверская! — окликнула Гиацинтова исполнительницу роли Эмилии. — Толкни Коготкову! Что она тут покойницу изображает? Спектакль кончился!

Лиза, обернувшись на зрительный зал, бочком подобралась к ложу и вполголоса окликнула неподвижно лежащую Дездемону:

— Аня, спектакль окончен! Вставай, выходи на поклонь!

Дездемона не шелохнулась.

— Да что с тобой? — Тверская склонилась над Дездемоной и вдруг испуганно вскрикнула.

— Что происходит? — Гиацинтова вышла из-за кулис, не обращая внимания на зрителей.

— Она... она, кажется, и правда умерла! — дрожащим голосом пробормотала Лиза.

— Да что ты несешь? — возмущенно выкрикнула Гиацинтова. — Сама, что ли, выпила?

— Она как-то странно лежит... не шевелится...

— Занавес! — опомнилась Гиацинтова, и только когда занавес опустился, отделив сцену от все еще

аплодирующих зрителей, подбежала к ложу Дездемоны. — Что с ней такое, сознание потеряла? — спросила озабоченно.

Все занятые в спектакле актеры столпились вокруг ложа и растерянно взирали на неподвижное тело. Потом так же единодушно все головы повернулись к помощнице режиссера — как всегда, от нее ожидали решительных действий.

Гиацинтова протянула руку и взяла Дездемону за запястье. Пульса не было.

— Кажется, она и правда умерла.

— Надо же, как вошла в роль! — подал голос театральным остряком Радунский.

Все остальные посмотрели на него с осуждением — в такие моменты шутки недопустимы.

— А что я сказал? — фыркнул Радунский.

— Бедная Аня! — всхлипнула костюмерша, хотя все знали, что она Коготкову терпеть не могла, вечно они скандалили из-за костюмов.

— Там кровь, — пролепетала перепуганная Тверская, показав на платье примы.

— Это бутафория! Краска! — авторитетно проговорила Гиацинтова. — Когда Отелло закаляется, он разбрызгивает вокруг красную краску, для ощущения подлинности... Ты что, забыла, что ли?

Затем она повернулась к Кириллу Седову, исполнителю роли Отелло, и строго проговорила:

— Кирилл Леонидович, вы что, так вошли в роль, что всерьез ее задушили?

— Валерия! — воскликнул Седов с поистине театральным темпераментом. — Что вы та-

кое говорите? Я сколько лет на сцене! Сколько я Деэдемон передушил! А сколько раз мы эту сцену репетировали! Что я, по-вашему, не знаю, как это положено делать? Да я ее почти и не касался! Знаю я эту Коготкову — ее чуть сильнее прижмешь, она потом такой скандал устроит — мама не горюй! Видите ли, у нее синяки и так далее, кожа слишком нежная, да дубленая у нее кожа... ой...

— И, между прочим, вовсе это не бутафория! — подал голос театральный пожарный дядя Костя, который под шумок незаметно протиснулся к ложу с покойницей.

— Что? — Гиацинтова так уставилась на него, как будто внезапно заговорил предмет интерьера. — Что вы такое говорите, Константин Сергеевич?

— Я говорю, что кровь не бутафорская, а самая настоящая!

— С чего вы взяли?

— А вы принюхайтесь! — Дядя Костя повел большим носом. — Самой настоящей кровью пахнет! У меня в позапрошлом году соседей зарезали, и полиция меня понятым пригласила. Кровищи было — ужас! И запах был ровно такой же, как сейчас.

— Ой, мамочка! — пискнула костюмерша.

— Он прав, — поддержал пожарного Седов. — Я свою кровь не здесь пролил, а ниже... вот она, на полу и на самом краю ложа. Она даже по цвету отличается!

— Вот только не надо этих панических настроений! — строго проговорила Гиацинтова и тоже принялась.

— Так что она не задушена вовсе. Зарезана она! — припечатал дядя Костя, неожиданно оказавшийся в центре всеобщего внимания и очень этим довольный. — Вот же, и рана имеется... — Он показал на грудь несчастной Дездемоны.

— Не трогайте ее! — воскликнула Гиацинтова. — Вообще ничего нельзя трогать до того, как приедет полиция!

— А Аня точно умерла? — пролепетала костюмерша, протиснувшись к самому ложу. — Может быть, ее еще можно спасти? Может быть, ей еще можно помочь? «Скорую» вызвать...

И она сняла с Дездемоны маску.

— Я же вам человеческим языком сказала — ничего не трогать! — рявкнула Гиацинтова.

Костюмерша ахнула и уронила маску на пол.

И тут все отшатнулись от неподвижного тела.

— Кто это?

— Это не Аня!

— Она вообще не из нашего театра!

Как выяснилось, никто из присутствующих не узнал мертвую женщину.

— А тогда где Коготкова? — поставила Гиацинтова вопрос ребром и оглядела присутствующих. — Если это не Анна, то куда она подевалась? Кто ее видел последним?

— Радунский! — неожиданно заявила театральная костюмерша и направила осуждающий

перст на театрального остролова. — Я видела, как он разговаривал с ней во время последнего антракта! И за локоток придерживал!

Все повернулись к Радунскому.

— А что я? — забормотал тот, мгновенно утратив свое остроумие. — Ну да, я с ней разговаривал... а потом мы еще выпили кофе в актерском буфете...

— Вы еще и коньячку пятьдесят грамм тяпнули! — подала голос буфетчица Люся, появившаяся на сцене. Она всегда оказывалась там, где происходило что-то интересное.

— Ну, тяпнул! Ну, коньячку! — повысил голос Радунский. — Так сама же ты сказала — всего пятьдесят грамм! И что с того? Мне это нужно для куража! Для вдохновения!

— Валентин Михайлович, мы сейчас не вас обсуждаем, — перебила его Гиацинтова, — мы сейчас выясняем, кто последним видел Анну. И если это были вы...

— При чем тут я? Ну да, я с ней выпил... кофе, так вот Люся видела, что она была жива и здорова, а потом я проводил Аню до дверей ее гримерки — и все!

— Так кто же это такая? — раздался в задних рядах незнакомый голос. — Никто из вас не знает эту женщину?

В этом голосе было что-то, что заставило всех присутствующих обернуться. Голос принадлежал худой, излишне ярко накрашенной загорелой брюнетке неопределенного возраста.